

Ц е р к о в ь .

Благодаря обаянію, естественно вытекающему изъ самой дѣятельности Церкви въ странѣ сильной вѣры; благодаря тому, что она являлась естественнымъ хранилищемъ знанія и единственнымъ же источникомъ просвѣщенія; благодаря, наконецъ, своимъ матеріальнымъ средствамъ, Церковь представляла собою значительную силу. Заключая въ себѣ въ началѣ XVI вѣка десять епархій: Московскую, Новгородскую, Ростовскую, Вологодскую, Суздальскую, Рязанскую, Смоленскую, Коломенскую, Зарайскую и Пермскую, она пользовалась въ ихъ предѣлахъ очень обширной юрисдикціей въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ. Агентами ея являлись какъ церковныя должностныя лица, такъ и уполномоченные міряне,— бояре и дьяки епископскіе, намѣстники и судьи. Судить—означало тогда облагать тяжущихся поборомъ. Этотъ порядокъ былъ созданъ по образцу гражданскихъ учреждений, отъ которыхъ онъ и заимствовалъ стремленіе эксплуатировать подвластное населеніе. Это естественно вытекало изъ частноправового взгляда на задачи государства. Хотя такой порядокъ и усиливалъ матеріальныя средства Церкви, но, во всякомъ случаѣ, не увеличивалъ ея нравствен-

наго авторитета. Правда, этотъ строй былъ затронутъ реформой XVI в., когда пытались превратить нѣкоторые административные центры въ самоуправляющіяся общины. По примѣру того, что вводилось въ области управленія гражданскаго, представительные органы,—выборные и присяжные старосты,—были тогда введены также во всѣхъ областяхъ, подсудныхъ церкви. Въ то же время гражданское судопроизводство было отдѣлено отъ духовнаго. Но это начинаніе имѣло лишь временный характеръ. Государство испробовало его совершенно случайно, подчиняясь либеральнымъ вѣяніямъ, идущимъ съ Запада; но потомъ, какъ мы увидимъ, оно не замедлило вернуться на привычный путь деспотизма. И Церковь, которая покорялась старому порядку, безпрекословно подчинилась и новому. Ей пришлось постепенно сливаться съ обычно соперничающей силой государства. Этотъ процессъ закончился почти полнымъ совпаденіемъ органовъ, функцій и вѣдомствъ той и другой стороны.

Между тѣмъ, Церковь не лишена была средствъ, чтобы сохранить и поддержать свою независимость. Вплоть до управленія имуществами ея прерогативы были равны царскимъ. Какъ царскія, такъ и церковныя земли были съ точки зрѣнія административной и юридической вполне независимы отъ мѣстной власти. Исключеніе дѣлалось лишь для нѣкоторыхъ видовъ уголовныхъ дѣлъ—воровства, убійства, разбоя. А земли Церкви были обширны. Очень неравномѣрно распредѣленные, но постоянно возрастающія богатства духовенства бѣлаго и чернаго—особенно послѣдняго—превышали богатства всѣхъ остальныхъ классовъ. Разсѣянные по пятнадцати епархіямъ, митрополичьи имѣнія приносили въ концѣ XVI вѣка до 3000 р. доходу. Епископъ новгородскій былъ еще богаче, получая отъ 10 до 12000 р. ежегодно. Другія епископства были надѣлены также болѣе или менѣе щедро, но всегда имѣли больше, чѣмъ достаточно. Приходское духовенство было не такъ счастливо; оно пользовалось очень скромными земельными надѣлами. Иногда они были не больше трехъ десятинъ и рѣдко свыше тридцати. Порою оно получало денежное вспоможеніе — *руги*, которое колебалось между 19 р. и 12 коп. На щедрость мірянъ рассчитывать не приходилось: ихъ даванія направлялись, большею частью, въ монастыри. По крайней мѣрѣ, четыре раза въ годъ священникъ ходилъ за подаваніемъ по приходу съ крестомъ и святою водою. Но даже съ дохода отъ этого нищенства епископъ удерживалъ десятую часть для себя.

Большая часть общественных богатствъ приходилась на долю чернаго духовенства. Не только земли ихъ были гораздо больше, но къ ихъ доходамъ присоединялась еще дань національнаго благочестія, часто огромная. Отъ одного Ивана IV Троицкая Лавра должна была получить въ теченіе 30 лѣтъ 25.000 р., или, по самому скромному расчету, около 1.000,000 р. на наши деньги. Менѣе счастливый Кирилло-Бѣлозерскій монастырь получилъ въ теченіе того же времени 18,493 р. не считая даровъ натурою. Напримѣръ, ему было пожертвовано сто пудовъ меду въ 1570 году, 10 коней въ слѣдующемъ, а отъ времени до времени—иконы, дорогая церковная утварь; одинъ даръ въ видѣ церковныхъ облаченій былъ оцѣненъ въ 6,000 р.

Владѣя огромными землями, черное духовенство пользовалось, по большей части, почти полной свободой отъ налоговъ. Оно имѣло право взимать собственныя подати. Оно привлекало и удерживало при себѣ множество рабочихъ рукъ. Наконецъ, къ доходамъ съ земли, которая обрабатывалась лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, къ богатствамъ, стекающимся изъ вновь заселенныхъ областей, которыя то и дѣло увеличивались, монахи еще присоединяли много различныхъ промысловъ. Они поглощали всѣ деньги страны и, выгодно помѣщая ихъ, были солидными капиталистами, почти единственными значительными коммерсантами и безспорно крупнѣйшими землевладельцами. Занимая лучшія земли 25-ти уѣздовъ, Троицкая Лавра въ концѣ вѣка владѣла 106.600 крестьянъ, и ея доходъ простирался до 10,000—2.400,000 р. на наши деньги.

Исчисляя доходъ всѣхъ монастырскихъ великорусскихъ общинъ Иконниковъ («Исслѣдованія о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русск. исторіи», Кіевъ, 1869, 1 т.) устанавливаетъ цифру въ 824,593 р. Этотъ доходъ получался съ 3.858,396 десятинъ земли, обрабатываемой 660.185 душами крестьянъ. Къ этой цифрѣ и до еще прибавить доходъ съ земель, обрабатываемыхъ непосредственно монастырями.

Конечно, эти вычисленія только приблизительны; но всѣ документы по этому вопросу, находящіеся въ нашемъ распоряженіи, свидѣтельствуютъ о богатствѣ очень значительномъ и совершенно не соответствующемъ общему положенію страны.

Было бы, впрочемъ, въ высшей степени несправедливо утверждать какъ это дѣлали уже и въ то время, что черное и бѣлое духовенство пользовались своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ и моральнымъ,

авторитетомъ исключительно въ своихъ интересахъ. Очень долго здѣсь, какъ и вездѣ, нравственное сознаніе народа находило себѣ опору только въ лонѣ національной Церкви, а свое выраженіе только въ ея ученіи. До половины XVI вѣка, по крайней мѣрѣ, духовная власть представителей Церкви, особенно, митрополита, служила благодѣтельнымъ противовѣсомъ всемогуществу государства. Между правами, присвоенными высшему духовенству, заступничество за жертвъ произвола и насилія должно быть занесено золотыми буквами въ исторію

Мало того, черное и бѣлое духовенство были дѣятельными со трудниками и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, главными пособниками великаго дѣла національнаго объединенія, къ которому стремилась Москва. Это требуетъ объясненія. У «первыхъ» собирателей земли русской идея ея единства является полусознательной. Въ своемъ завѣщаніи сынъ Калиты, Симеонъ Гордый (1341—1353), настойчиво совѣтуетъ своему сыну итти по намѣченному имъ пути: онъ не хочетъ, чтобы «погасла память о насъ и объ отцахъ нашихъ и потухъ свѣтильникъ». Но не гордая мечта о переустройствѣ великой родины руководитъ вѣковыми усиліями этихъ темныхъ князей—у нихъ другая забота. Они покупаютъ деревню за деревней, вотчину присоединяютъ къ вотчинѣ, собирая въ свои сундуки золото, серебро, драгоценные камни и жемчугъ. Они обшчитываютъ татарскихъ князей при уплатѣ дани; разоряютъ и убиваютъ своихъ братьевъ-князей... И вотъ, если одинъ изъ нихъ невзначай и выскажетъ свою завѣтную думу, если онъ и объяснитъ смыслъ этихъ устойчивыхъ усилій, онъ просто скажетъ о той порѣ, когда «избавитъ насъ Богъ отъ Орды...» Чего же они хотятъ прежде всего? Свободы, возможности не гнуть больше спины подъ сапогомъ иноземнаго владыки и не слизывать съ шеи коня его капель кумыса, которыя упали изъ кубка, поданнаго ими татарину. Вѣдь они еще не ушли отъ этого позора! Но они хотятъ вырваться изъ своей неволи. И, когда это случится, они начнутъ собирать новыя сокровища, будутъ совершать новыя насилія и грабежи... Зачѣмъ? Повидимому, только для того, чтобы пріобрѣсти нѣсколько десятинъ земли и наполнить нѣсколько лишнихъ сундуковъ...

Однако, идея національнаго единства медленно проникала въ упрямые головы этихъ фанатическихъ скопидомовъ. Точнѣе,—она родилась и выросла рядомъ съ ними. Гораздо раньше, чѣмъ какой-нибудь московскій князь успѣлъ подумать о томъ, чтобы сдѣлаться полити-

ческимъ представителемъ единой Руси, митрополитъ московскій сталъ ея главою. Такова была сила вещей. Славянскій Востокъ составлялъ только какъ бы одну епархію, находившуюся въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Такимъ образомъ онъ имѣлъ одинъ центръ, одинъ очагъ. Этотъ очагъ, какъ и другіе, долго кочевалъ съ мѣста на мѣсто; но уже современникъ Калиты (1325—1341) митрополитъ Петръ, рѣшилъ принять титулъ митрополита *Всея Руси*. Тогда между князьями Московскимъ, Рязанскимъ, Суздальскимъ и Тверскимъ возникъ споръ о томъ, кому имѣтъ владыку ять своемъ стольномъ городѣ и тѣмъ самымъ пріобрѣсти преимущество надъ другими. Сначала Михаилъ Ярославичъ Тверской взялъ верхъ и началъ называть себя княземъ Всея Руси. Но очень скоро Калита одолѣлъ, и преобладаніе Москвы можетъ считаться утвержденнымъ за полтора вѣка до Ивана IV.

Черезъ полтора вѣка религіозное единство распалось благодаря польско-литовскому вліянію, создавшему новый духовный центръ по сосѣдству. Флорентійская унія завершила это разобщеніе. Но уже въ то время политическое единство, окрѣпшее и выросшее на Москвѣ, могло рассчитывать на прочное и продолжительное существованіе.

Съ своей стороны, монастыри внесли свою долю въ дѣло колонизаціи, которому новая Русь, отчасти, обязана своимъ возникновеніемъ. Большею частью, наступательное движеніе монастырей шло въ направленіи противоположномъ тому, которому слѣдовали обыкновенные переселенцы, подвижные исключительно практическими соображеніями. Тогда какъ міряне стремились на богатѣя южныя земли, монахи, часто аскетически настроенные, преслѣдуя неземныя цѣли шли на сѣверо-востокъ, въ пустыни и дремучіе лѣса. Не будь ихъ—долго сюда не проникли бы и предприимчивые міряне. Здѣсь они соприкасались съ финскими племенами, еще поклонявшимися идоламъ и, трудясь въ двухъ направленіяхъ,—надъ разработкой дѣвственныхъ земель и просвѣщеніемъ языческихъ душъ,—они все подвигались впередъ. Таковъ Трифонъ, современникъ Грознаго. Со своимъ товарищемъ Θεодонитомъ на берегахъ Печенги онъ просвѣтилъ духомъ истины и научилъ обрабатывать землю лапландскія племена, которыя сначала сопротивлялись и грозили одинокимъ подвижникамъ, а потомъ стали имъ послушны.

На Востокѣ, ближе къ татарской границѣ, религіозная проповѣдь

также опередила военные приобрѣтенія. Здѣсь возникли монастырскія поселенія, которыя, задолго до взятія Казани, уже въ XIV в., переступили за Суру. Вслѣдъ затѣмъ они подвинулись и далѣе, соотвѣтственно росту государственной территоріи, сами поддерживая это движеніе и порою его защищая. Вездѣ монастыри служили опорой войску въ походѣ, такъ какъ располагали большими средствами и были хорошо укрѣплены. Монастырь св. Кирилла, обнесенный валомъ, защищенный 36 большими башнями и обладающій артиллеріей, въ стратегическомъ отношеніи превосходилъ Новгородъ.

Конечно, наплывъ вѣрующихъ въ излюбленные мѣста паломничества давалъ поводъ къ непростительному торгашеству во время ярмарокъ, совпадавшихъ съ приходскими праздниками; правда, ссуды, даваемые монахами частнымъ лицамъ, обычно, на условіяхъ не менѣе 10% роста, вызывали тягостные споры. Все же существовала традиція, уцѣлѣвшая до XVIII вѣка, которая требовала, чтобы эти богатства, собранныя въ однѣхъ рукахъ, являлись чѣмъ-то въ родѣ запаса, къ которому государство могло прибѣгать въ дни испытаній. Подобно сокровищамъ, хранимымъ жрецами Египта въ знаменитомъ Лабиринтѣ, эти запасы не были оберегаемы такъ ревниво, чтобы въ нихъ не видѣли какъ бы общаго достоянія. Обычай также требовалъ, чтобы монастыри не отказывали никому въ пищѣ и временномъ пристанищѣ. Князья и бояре сами пользовались этимъ, заѣзжая мимоходомъ въ Господни обители подкрѣпившись тамъ, они еще брали съ собою запасы въ дорогу. Что же касается бѣдняковъ—они смотрѣли на монастырь какъ на свою собственность. Въ Волоколамскомъ монастырѣ въ одинъ голодный годъ накормили однажды хлѣбомъ 7,000 человекъ и въ теченіе мѣсяца ежедневно кормили 4—5,000 голодающихъ. Это было въ княженіе Василя Ивановича, отца Грознаго. Въ этомъ году игумень Іосифъ продалъ весь скотъ и даже монастырскую рухлядь. Монахи перестали пить квасъ за трапезой и питались лишь самымъ необходимымъ. Съ этого же времени стали основываться постоянные страннопріимные дома и больницы при нѣкоторыхъ монастыряхъ.

Но чего же не хватало этимъ монахамъ, часто возвышенно настроеннымъ, этимъ пастырямъ, полнымъ героизма, то скитающимся отъ двери ко двери за подаваніемъ для тысячъ бѣдняковъ, то борющимся со стихіями въ глухихъ сѣверныхъ пустыняхъ, то подставляющимъ

свою грудь у ступеней трона страшному гнѣву князей? Чего же недоставало имъ для того, чтобы сыграть еще болѣе возвышенную роль, чтобы, какъ это было на Западѣ, сдѣлать свои обители или свои церкви очагами высшей культуры или первоначальнаго обученія, чтобы стать не только духовными просвѣтителями своего народа, но и его воспитателями и цивилизаторами?

Исторія давно отвѣтила на этотъ вопросъ: имъ недоставало образованія.

До монгольскаго нашествія изъ 23 митрополитовъ, жившихъ въ Руси, 17 были греками, и долго еще послѣ нашествія греческій и болгарскій элементъ преобладали въ составѣ того и другого духовенства. Даже послѣ того, какъ ихъ перестали ставить въ Царьградѣ, т.-е. сейчасъ же послѣ Флорентійской уніи, митрополиты должны были ѣздить туда для утвержденія своего въ санѣ. Кромѣ того, частыя появленія восточныхъ монаховъ въ Россіи за сборомъ милостыни, не менѣе частыя путешествія русскихъ паломниковъ на Аѳонъ и къ другимъ сосѣднимъ святынямъ—все поддерживало непрерывныя отношенія между двумя церквами. Такимъ образомъ, религіозная жизнь страны возвращалась къ своему первоисточнику. Теперь исторія доказала, что изъ этого же источника и Западная Европа утоляла свою жажду. Я покажу ниже, что могла заимствовать отсюда Русь XVI в., какіе элементы умственной культуры и нравственнаго назиданія. Здѣсь я ограничусь однимъ фактомъ.

Съ 1420 по 1500 г. въ Московскомъ государствѣ возникло 150 новыхъ монастырей, а съ 1500 по 1588 еще 65. Хотя англійскій путешественникъ Флетчеръ и нѣсколько преувеличилъ, назвавъ Русь XVI в. «страною монастырей», несомнѣнно, что этотъ родъ учреждений получилъ въ ту эпоху значительное распространеніе. Свобода, которая тамъ царила, могла бы быть достаточнымъ объясненіемъ этого. Всякій отшельникъ, имѣющій возможность выстроить маленькую церковку или деревянную молельню, могъ сдѣлаться по желанію игуменомъ, главою обители. Онъ обращался ко власти имущимъ, къ боярамъ или просто къ богатымъ людямъ, чтобы получить землю, а благочестіе вѣрующихъ и то значеніе, которое приписывалось иноческимъ молитвамъ, дѣлали остальное. Но всѣ эти учрежденія всегда принимали одинъ и тотъ же уставъ св. Василия Великаго, подобно тому, какъ западныя общины долго придерживались устава св. Бенедикта. До нашихъ дней это положеніе не измѣнилось; не

доказывает ли оно намъ, какъ мало интенсивности въ этой религиозной жизни, застывшей въ неподвижныхъ формахъ?

Жизнь есть движеніе, и, кромѣ того, мотивы этого единообразія не имѣютъ, въ большинствѣ случаевъ, ничего общаго съ заботой о созиданіи благочестія или о спасеніи души. Отмѣтивъ самое явленіе, я долженъ подойти къ его обратной сторонѣ: тѣ факты, о которыхъ я буду говорить здѣсь—общеизвѣстны; они заслужили въ самомъ лонѣ русской Церкви всеобщее порицаніе и вызвали реакцію, происхождение и характеръ которой я выясню. Впрочемъ, она оказалась безсильной и почти бесплодной.

Аскеты-идеалисты этой эпохи, какъ Максимъ Грекъ, Вассіанъ Косой или Ниль Сорскій, кончили жизнь въ насильственномъ заточеніи, проклятые, отринутые, извергнутые изъ религиозной общины. Самъ Феодонитъ, о подвигахъ котораго я говорилъ выше, долженъ былъ искупить въ темницѣ свою вину: она заключалась въ томъ, что онъ давалъ своимъ современникамъ слишкомъ высокій примѣръ для подражанія. Большинство его собратьевъ, прикрытыхъ тѣмъ же клобукомъ, было далеко отъ подобной святости. Если они и не всегда въ праздности и невольности ѣли хлѣбъ, плодъ его трудовъ, если, какъ мы видѣли сейчасъ, они и соглашались порою удѣлить часть бѣднымъ,—все же ихъ кругозоръ былъ ограниченъ узкопонятымъ благочестіемъ, довольствующимся внѣшними обрядами. Многие архимандриты и игумены или по еще болѣе наклонному пути, отдавая монастырскія деньги въ ростъ и приносивъ правила монастырскаго устава къ своимъ привычкамъ праздныхъ сибаритовъ. Общая жизнь въ монастыряхъ стала рѣдкимъ явленіемъ. Общій столъ былъ удѣломъ немногихъ братьевъ, кормящихся остатками пышныхъ трапезъ настоятелей, которые завладѣли общественнымъ достояніемъ и пировали съ многочисленными застольниками, родственниками, друзьями или богатыми вельможами, избравшими себѣ пріютомъ одну изъ этихъ роскошныхъ Ѳивайдъ. Тамъ часто очень веселились. Тамъ много пили. Отъ XVI до XVIII в., какъ это видимъ у Прижова («Исторія кабаковъ» 1868 г. стр. 53), монастыри выдѣлывали и хранили всевозможные напитки. Они были полны веселыхъ гостей. Нерѣдко женщины посѣщали кельи. Случалось встрѣчать тамъ и мальчиковъ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи и монахини жили рядомъ.

Преобразовательное теченіе XVI в. должно было коснуться и этого міра, зараженного тѣмъ же растлѣніемъ, которымъ страдали

западныхъ монастырскія общины въ ту же эпоху. Но здѣсь, не встрѣчая элементовъ достаточно жизненныхъ, чтобы принять ее и дать ей восторжествовать, реформа оборвалась, и нравственный авторитетъ Церкви былъ навсегда поколебленъ.

Общественная роль Церкви была ограничена и почти сведена на нѣтъ, благодаря еще другимъ причинамъ. До татарскаго нашествія раздѣленіе страны на удѣлы и прямая связь Церкви съ Константинополемъ создавали ей владыкамъ независимое положеніе. Но теперь они сочли удобнымъ встать подъ защиту новыхъ властителей. Митрополитъ Кирилль сталъ жить при дворѣ самого хана. Милостивая грамота Менгу Тимура и щедро раздаваемые его преемниками ярлыки были наградою за такую политику. Но такимъ образомъ полученныя милости влекли къ полному отреченію отъ бывшей независимости, и, когда Москва стала наслѣдницей азіатскихъ деспотовъ, дѣло уже было сдѣлано. вмѣсто ярлыковъ появились указы, которые потребовали того же подчиненія.

Кромѣ того, поработавъ, какъ указано выше, надъ созданіемъ національнаго единства, Церковь, не колеблясь, стала радѣть и объ уничтоженіи удѣловъ. Раздѣленіе страны, дѣйствительно, мѣшало проявленію ея власти. Но когда политическое предпріятіе ведется двумя союзниками, они, обыкновенно, сливаются, и слабѣйшій подчиняется сильнѣйшему. Достигнутое Москвою могущество освятило этотъ результатъ; въ то же время разрывъ съ Константинополемъ постепенно лишалъ покоряемую Церковь того интернаціональнаго характера и той внѣшней опоры, которые спасли католицизмъ, служа лучшей его обороною противъ свѣтскаго захвата. Въ концѣ XVI в. право раздавать духовныя мѣста и распредѣлять доходы съ нихъ оказалось въ рукахъ свѣтской власти. Такой порядокъ вещей созданъ совершенно независимо отъ какихъ-либо конкордатовъ. Это было естественнымъ послѣдствіемъ строя, соединившаго, смѣшавшаго до неразличимости двѣ категоріи интересовъ и правъ. Какъ высшій покровитель православія съ конца XV в., государь созываетъ соборы; на этихъ соборахъ на ряду съ вопросами вѣры и обрядностей обсуждаются и дѣла государственныя. Съ другой стороны, высшія духовныя лица часто приглашаются въ свѣтскіе совѣты государей, въ Думу, и принимаютъ участіе въ ея занятіяхъ. До того, чтобы быть занесенными вмѣстѣ со всѣми въ число служившихъ людей, подчиненныхъ общему закону, оставался одинъ шагъ. Даже черное

духовенство не избѣгло этого. Не только архимандриты и игумены нѣсколькихъ монастырей засѣдали въ соборахъ или въ Думѣ; сами монахи, подражая своимъ западнымъ братьямъ, довольно рано начали апеллировать къ власти государевой противъ епископа, какъ на Западѣ прибѣгали къ папѣ. Государь охотно отзывался на это до той поры, пока не почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы упростить эти отношенія и сосредоточить соотвѣтствующую юрисдикцію въ одномъ изъ своихъ приказовъ.

Изъ того униженія, въ какое ввергнуты были судьбою какъ бѣлое, такъ и черное духовенство, они могли бы подняться, опираясь единственно на достоинство своего служенія. Но для этого нужно было, чтобы умственная цѣнность и нравственные качества хотя бы главныхъ представителей Церкви отвѣчали ихъ высокому назначенію. Нужно было, чтобъ огонь святого призванія зажегся и горѣлъ на алтаряхъ этой автокефальной церкви такъ же ярко и горячо, какъ на Западѣ, гдѣ, въ самое смутное время, такіе папы, какъ Левъ X и Пій V, умѣли придать католицизму всемірный блескъ. Увы, ни Кириллъ ни Іона не могли найти божественной искры подъ пепломъ Византіи!

Во время Ивана III высшее духовенство еще боролось. Когда возгорѣлся споръ по богослужебнымъ вопросамъ между великимъ княземъ и митрополитомъ, послѣдній покинулъ свой престолъ, не сталъ освящать храмовъ и принудилъ такимъ образомъ князя къ покаянному битью челомъ. Но уже при преемникахъ Ивана III, еще не выполнѣ утвердившихся въ своей роли самодержавныхъ государей, потребовалось нѣчто большее, нежели сознаніе оскорбленнаго достоинства для борьбы съ торжествующимъ деспотизмомъ. Тогда св. Филиппъ, о мученичествѣ котораго я еще упомяну, запечатлѣлъ кровью свое исповѣданіе. Въ лицѣ его независимость владыки сочеталась съ вѣрностью попорваннымъ традиціямъ. Но голосъ его не нашелъ отклика, его примѣръ остался безъ подражанія; какъ и вся страна, Церковь погрузилась во мракъ и безмолвіе. Новое колесо прибавилось къ колесницѣ, которая тяжестью своею сокрушала умы и характеры. *)

Къ вопросу объ образованіи Московскаго государства см. *Карамзинъ*, Исторія Государства Россійскаго, VII, гл. IV; *Костомаровъ*, Очерки, Т. VIII; *Чечулинъ*, Города Московскаго государства, 1889.—Къ исторіи Пскова и въ особенности Новгорода — *Ильинскій*,

Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ, Ж. М. Н. Пр., 1876, іюнь; *Неволинъ*, то же, въ Запискахъ Русскаго Географическаго общества, Т. VIII.—Источники: Guagnino, Omnium regionum Moscoviae descriptio, у *Старчевскаго*, Historiae Ruthenicae scriptores, 1841; Possevino, Moscovia, 1587; ср. *Шмурло*, Извѣстія Джованни Тебальди о Россіи, 1891.—Къ этнографіи и исторіи сословій: *Кавелинъ*, Сочиненія, Т. I, 1859; *Ключевскій*, Курсъ исторіи (литографированный), 1, и Краткое пособіе по русской исторіи, 1899; *Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, 1896, в. I и III; *Павловъ-Сильванскій*, Государевы служилые люди, 1898; *Сергеевичъ*, Русская юридическія древности, Т. III, 1903; *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества на организацію государства въ татарскій періодъ русской исторіи, 1869; *Чичеринъ*, Опыты по исторіи русскаго права, 1858; *Бѣловъ*, Объ историческомъ значеніи русскаго боярства, Журн. М. Н. Пр., 1886; *его же*:—Предварительныя замѣчанія къ исторіи Ивана Грознаго, тамъ же, 1887. О крестьянахъ и о происхожденіи крѣпостного права: *Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, 1891; *Татищевъ*, Судебникъ Ивана IV, 1786; *Карамзинъ*, Исторія Государства Россійскаго, X; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, VII; *Костомаровъ*, статья въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, 1859, кн. II; *Погодинъ*, статья въ ж. Русская Бесѣда, 1859, IV (полемика между двумя писателями); *Градовскій*, статья въ Ж. М. Н. Пр., 1868; *Дитятинъ*, Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, 1875; *Ключевскій*, ст. о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи, журн. Русская Мысль, 1885; *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія по исторіи русскаго права, 1887; *его же*, Обзоръ исторіи русскаго права, 1890; *Дьяконовъ*, Очерки по исторіи сельскаго населенія Московскаго государства, 1898; *его же*, Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго. населенія въ Моск. госуд., 1895—1897; *его же*, Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ, 1901; *Сергеевичъ*, см. выше; *Ефименко*, Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ, 1884; *Платоновъ*, Очерки по исторіи смуты, 1899; *Милюковъ*, см. выше и Спорные вопросы... 1892; *Лаппо-Данилевскій*, Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ, 1901; *Дебольскій*, Гражданская дѣеспособность по русскому праву, 1903; *его же*: см. Ж. М. Н. Пр., съ историческимъ указателемъ по вопросу. Къ исторіи городского населенія: *Ефименко*, Изслѣдованія народной жизни, 1884; *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, 1868; *Леонтовичъ*, разборъ сочиненія Самоквасова — Древніе русскіе города, въ Сборникѣ русскихъ государственныхъ знаній, Т. II, 1875; *Ильинскій*, Городское населеніе Новгородской области въ XVI в., Ж. М. Н. Пр., 1876; *Костомаровъ*, Очерки торговли Московскаго государства, 1889. По исторіи церкви: *Макарій*, Исторія русской церкви, 1877, т. III; *Заустинскій*, Митрополитъ Макарій, ж. М. Н. Пр., 1881; *Иконниковъ*, см. выше. Источники: Собраніе государственныхъ

грамотъ и договоровъ, 1819; Акты археографической экспедиціи, 1836; Акты историческіе, 1841. По монастырскому хозяйству; *Ключевскій*, Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ, Извѣстія Моск. Университета, 1867; *Димитріевъ*, Сочиненія, 1899, т. I; Документы въ Сборникѣ Муханова, 1836.
